

Вятка

Это был странный мир: по утрам за окном не пели птицы, не шелестела трава, собаки лаяли совершенно беззвучно, а мужики, то и дело ругающиеся на улицах, широко раскрывали рты, но ни единого звука оттуда не доносилось. В десять лет, после тяжело перенесённой скарлатины, Костя почти оглох, и вот уже шестой год его окружал мир тишины и покоя.

Слова «громкий», «звучно», «шуметь» не значили в этом мире ничего. Они напоминали символы давно исчезнувшей цивилизации, оставленные как загадка потомкам на стенах древней пещеры. Для того чтобы проникнуть в эту пещеру, у Кости не доставало ни сил, ни возможностей, ни средств.

Он ещё помнил звуки, однако существовали они в его голове отдельно от людей, других живых существ и предметов, которые эти звуки производили. Это было, как если бы он видел тени, а самих предметов, эти тени отбрасывающих, видеть не мог.

Он смотрел на мир, как рыба из-под воды смотрит на берег, и всё, что он видел там, на залитом солнцем берегу, казалось ему странным и в то же время недостижимо красивым. Шестой год Костя продолжал жить на другой планете, куда прилететь, кроме него, не мог уже больше никто — даже такой же, как он, внезапно оглохший мальчик. Ибо у каждого глухого мальчика должна быть своя планета.

Зато он оставался неуязвим для того дурного, что терзает людей со слухом. Он видел, как люди плачут, услышав какие-то слова, как они бледнеют от ненависти или от страха, и был согласен не слышать то, что слышали они. Когда учителя бранили его за

бестолковость, а сверстники дразнили глухой тетерей, он лишь безмятежно смотрел на них. Даже о том, что его отчислили из гимназии, Костя узнал не сразу: директор что-то долго объяснял ему, но мальчик не всё успел понять по губам.